

ГРУБАЯ МУЗЫКА СЛОВ

ПРОЗА ПАТРИКА ГЕЙЛА

ПАТРИК

ГЕЙЛ

МЕСТО,
НАЗВАННОЕ
ЗИМОЙ

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г27

Patrick Gale
A PLACE CALLED WINTER

Copyright © 2015 by Patrick Gale

Перевод с английского *А. Смирновой*

Разработка серии
и художественное оформление *П. Петрова*

Гейл, Патрик.

Г27 Место, названное зимой / Патрик Гейл ; [пер. с англ. А.С. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-096802-2

Гарри Зоунт, состоятельный наследник и заботливый старший брат, никогда не чувствовал себя на своем месте в английском обществе будучи молчаливым и несколько застенчивым человеком. Но его формализованную, праздную жизнь главы семьи, которого на самом деле никто не принимает всерьез, меняет опасное и незаконное влечение, которому он поддается вопреки морали и угрозе ареста. Это стоило ему слишком дорого. Отныне он вынужден покинуть жену, ребенка, брата. Оставить позади всю свою прежнюю жизнь. Гарри отправляется в эмиграцию в далекую, мало заселенную Канаду, где его встретят суровые прерии, угроза Первой мировой войны и следующего по ее пятам безумия.

Этот роман основан на подлинной истории, которую Патрик Гейл подчерпнул из семейных архивов. Он создал эпическую, очень интимную драму, которая полна тайн, острых конфликтов, неоспоримой сексуальности и, в конечном счете, большой любви.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© А. Смирнова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096802-2

Посвящается Эйдану Хиксу

Ведрилъ

Буйного, возбуждённого пациента в принудительном порядке, держа за ноги, опускают головой вперёд в обыкновенную ванну. Находясь в воде, он не должен шевелить руками и ногами, в противном случае его удерживают в ванне или же поднимают на поверхность и вновь опускают, пока он не придёт в спокойное состояние.

*Л. Форбс Уинслоу.
Турецкая ванна
при психических расстройствах
(1896).*

Глава 1

Санитаров к нему, как обычно, пришло двое. Некоторые были добрыми и хотели помочь. Некоторые были напуганы и, как неопытные фермеры, впервые клеймившие быка, прятали свой страх за руганью и грубостью. Но эти двое оказались самого неприятного толка — они попросту не обращали на него внимания. Войдя к нему, разговаривали друг с другом и продолжали разговаривать, закрепляя наручники на его запястьях и таща его по коридору в процедурный кабинет.

Сегодня он был первым на очереди, поэтому в комнате с отличной изоляцией, где даже тихий разговор казался криком, стояла тишина, если не считать звука наполняемых ванн. Восемь ванн стояли в ряд, ещё три — поодаль. Издалека они казались самыми обыкновенными. При ближайшем рассмотрении было видно, что в воду опускалось нечто вроде гамаков.

— Мне не нужен гамак, — сказал он им. — И наручники тоже. Если хотите, чтобы я лёг в ванну и лежал, я не против. Мне не нужен гамак. Ладно?

Не обращая на него внимания, санитары оборвали свой невнятный разговор. Один расстегнул пуговицы на пижамной кофте Гарри. Другой развязал верёвку, державшую его пижамные штаны, и они упали на пол.

— Это нужно, чтобы вас успокоить, — сказал один, словно зачитывая служебное уведомление. — Вы слишком раздражительны, и это нужно, чтобы вас успокоить, — он сдёрнул пижамную кофту с плеч Гарри. — Забирайтесь.

— Я бы лучше принял обычную ванну. Пожалуйста, не нужно этих ремней.

Отточенным движением один из санитаров ухватил его за лодыжки, другой взял за плечи, и они погрузили его в ближайшую ванну, так чтобы гамак удерживал его в горячей воде. Температура была высокой, но нельзя сказать, чтобы неприятной. Неприятна была потеря контроля над собственным телом. Один санитар удерживал запястья Гарри на уровне его живота, другой в это время застегнул толстый кожаный ремень поперёк его груди. Ноги они стянули вместе ещё одним ремнём, затем туго натянули плотную брезентовую ткань, наподобие палатки, чтобы закрыть ванну полностью. В ткани было отверстие, куда они просунули его голову и тонкими ремешками стянули шею, чтобы не дать пару выйти. Теперь он, обездвиженный, был погружён в горячую воду, и на поверхности торчала лишь его голова.

— Пожалуйста, — попросил он, — не бросайте меня.

Санитары вышли, на ходу продолжая разговор. Им навстречу шли двое других, таща пациента, вопившего, что его хотят убить. Когда его раздели, он умудрился помочиться на санитаря, сидевшего перед ним на корточках, и последовавший за этим переполох дал ему возможность убежать. Из коридора слышались проклятия, вопли, свист, а потом — сдавленное мычание избиваемого.

Спокойствие этого человека, когда его втащили обратно и погрузили в ванну напротив Гарри, было страшнее

любых воплей. Когда их оставили наедине, по горло в воде, он повернул голову и уставился на Гарри, что ещё больше усилило его нервное напряжение. Гарри рассматривал краны сквозь толщу пара и пытался сделать вид, что его здесь нет.

— Я тебя знаю, — сказал человек тихо, но настойчиво. — Я тебя знаю, я тебя знаю, я тебя...

Гарри проснулся, дрожа, и услышал собственный крик, который его и разбудил. Он был не в своей палате, где стояло столько коек, что многие из них, включая кровать Гарри, оказались посреди комнаты. Изголовье кровати здесь тоже было железным, белого цвета, но на этом сходство заканчивалось.

Он лежал в маленькой, обитой деревом комнатке, выкрашенной в безмятежный небесно-голубой цвет; с маленького окна свисали плотные белые занавески. Обстановка была простой. Лоскутный коврик на полу, прикроватный столик, на нём — светильник и спички. Ботинки стояли на полу, пальто висело над ними на крючке. На соседнем гвозде свисал с вешалки чей-то чужой костюм. На простом деревянном стуле лежала аккуратная стопка белья, рубашек и носков, тоже не принадлежавших Гарри.

Окончательно проснувшись, он увидел на умывальнике кувшин с водой и умылся. Посмотрел на своё отражение в маленьком заляпанном зеркальце на стене. На него взирал угрюмый незнакомец. Он не помнил, когда успела отрасти борода, но она, конечно же, отросла, потому что там, откуда он приехал, не было ни бритв, ни зеркал, ничего, чем можно было бы пораниться или обжечься.

Одевшись в безукоризненно чистый костюм, идеально севший — должно быть, с Гарри сняли мерки, пока он

спал, — он постарался взять себя в руки. Дыши, сказал он себе. Не забывай дышать. Потом воскресил в своей памяти голос другого человека, говорившего ему те же самые слова, и резко сел на маленькую кровать, чтобы успокоиться — таким острым и противоречивым оказалось пробуждённое воспоминание.

Рискнув наконец выйти на ослепительный утренний свет, он мог бы подумать, будто проснулся в своего рода раю, если бы не томительное чувство, что ад просто скрылся из поля зрения и вновь предстанет его глазам, если он отведёт их чуть в сторону. Он знал, что явился сюда из ада. На запястьях и лодыжках ещё не сошли синевато-серые следы, там, где ремни и наручники впились в его тело, а выпрямив спину, он вновь почувствовал боль от ударов и пинков, в избытке выпавших на её долю.

Происходившее до всего этого, до ада, он помнил ещё более смутно. Старые воспоминания хранились в комнатах, куда он не мог войти. В моменты тишины и ясности, между процедурами, ему удавалось подобраться достаточно близко, чтобы ощутить — они окутаны таким сильным чувством утраты, что даже коснувшись ручки двери в одну из этих комнат, он обожжёт себе кожу.

Теперь он был в долине, поросшей густой травой, которую щипали овцы и парочка вялых коров; долина сбегала к широкой бурой реке, и в её сильном течении он разглядел несколько поваленных деревьев, плывущих от левого берега к правому. По обеим сторонам возвышались бесконечные ряды голубых обледенелых гор, их пологие склоны заросли лесом. Откуда-то слева доносился звон церковного колокола. Красота увиденного, яркость красок и тишина на миг ошеломили его, и он присел на маленькую скамеечку, чтобы прийти в себя.

Он не был сумасшедшим, хотя ему казалось, что, если с ним продолжат обращаться, как с психически больным, он скоро и впрямь лишится разума. Его внимание привлёк крик сарыча, и он поднял глаза. Я ещё могу отличить сокола от цапли¹, подумал он. Это была психбольница, а не тюрьма, откуда он прибыл, но свободы его лишили, насколько ему было известно, без судебного процесса.

Санитары пришли к нему, как обычно, после завтрака; он уже смирился, что бесконечные, выматывающие душу попытки утихомирить его с помощью воды продолжались снова и снова. Холодное обёртывание он все же предпочитал полноценной ванне, но только потому, что оно проводилось в палате поменьше, где царили желанные тишина и покой, где он твёрдо знал, что не станет кричать в приступе паники. Во всём остальном эта процедура была ещё хуже ванны: его туго заворачивали в простыню, смоченную холодной водой, сверху наматывали ещё две простыни, резиновый коврик и одеяло, а потом оставляли его, привязанного к каркасу кровати, иногда часа на три, тихо истекать сначала водой, затем потом.

Но в тот день лечить его не стали.

— Вы отправитесь в путешествие, — сообщил ему один из санитаров. — Молодой мистер Ормшо выбрал вас, чтобы вы помогли ему в научном исследовании, поэтому ведите себя хорошо и смиренно.

Они закатали рукав его пижамы и ввели инъекцию — очевидно, сильное успокоительное, потому что, к тому времени как ему выдали носки, вернули старые ботинки

¹ Отсылка к словам Гамлета, акт II, сцена 2: «Я безумен только при норд-весте; если же ветер с юга, я ещё могу отличить сокола от цапли».

и пальто, в голове у него так помутилось, что он не мог задать ни один из вопросов, толкавшихся в его мозгу.

С одной стороны его маленького домика была затенённая терраса, одна из тех, что, пристроенные полукругом к бревенчатому дому, вызывают в памяти мысли о тирольских шале, так что Гарри не удивился бы, появившись на ней хор девушек, одетых в народные платья, с венками бумажных цветов в руках, распевающих песни о любви и весне.

Да, была весна, поэтому река так сильно и вышла из берегов. Зеленеющие леса позади дома наполнились птичьим пением, и, сидя на террасе, Гарри наблюдал, как птицы, бурундуки и белки носятся в траве туда-сюда, озабоченные трудными весенними делами — нагуливанием жира и поисками пары.

Он не знал, где находится, как далеко они с молчаливым санитаром уехали. Необходимость ехать поездом вызвала у него столь бурный протест, что пришлось вколоть ему вторую дозу успокоительного, поэтому большую часть путешествия он проспал пьяным сном. Остальное скрыла тьма. Всё, что он запомнил, — как его запихнули в кровать, простыни которой были прохладны от морозного горного воздуха, и какое облегчение он ощутил, оказавшись в своей собственной кровати, слушая лишь своё прерывистое дыхание, а не крики и рыдания других.

Из главного корпуса раздались звуки гонга. Гарри вздрогнул, ожидая, что сейчас идилию нарушат санитары или медсёстры, но, оглянувшись, увидел лишь девушку в простой униформе, стоящую у открытой двери. Заметив его, девушка подняла руку в знак приветствия, ещё несколько раз ударила в гонг, словно исключительно ради Гарри, и вновь скрылась в главном

корпусе. Дверь соседнего домика распахнулась, и оттуда вышла стройная блондинка, прилично, но старомодно одетая.

— Доброе утро. — Её голос был высоким, и Гарри поднялся, чтобы поздороваться. Когда она протянула ему маленькую руку в кружевах, он заметил, что женщина значительно старше, чем он предположил сначала, окинув взглядом её фигуру.

— Приятно познакомиться, — сказал он.

— Идёте завтракать?

— Я... думаю, да.

— Вы наверняка проголодались после долгой поездки. — У неё был голос маленькой девочки, за которым часто скрывается напористый характер. — Мы слышали, что вы приехали, но нам строго-настрого велели вас не беспокоить. Я — Мейбл. Мы зовём друг друга по именам, никаких фамилий и должностей. Хороший врач в своих предпочтениях — квакер, — она нервно рассмеялась.

— Я — Гарри, — сказал он.

— Очень приятно. Гарри, позвольте проводить вас на завтрак.

— Это больница? — начал было он, но женщина вновь рассмеялась.

— Это слово у нас тоже под запретом. Да я вижу, вы бунтарь! Это сообщество. Терапевтическое сообщество. А вот и Бруно.

Из третьего домика вышла мужеподобная женщина в строгом костюме. Пожав Гарри руку, она сразу же засыпала его вопросами о том, как прошла поездка, на которые он был не в состоянии ответить, поскольку даже не мог точно сказать, откуда прибыл. Мейбл мягко укорила её за это, Бруно не обиделась, и все вместе продолжили путь.